

УДК 316.74:001

А. С. Голиков

канд. социол. наук, доц.,

кафедра социологии ХНУ имени В. Н. Каразина

ауд. 350, пл. Свободы, 6, Харьков, 64022, Украина

Тел.: +38 (057) 707–54–90, e-mail: a.s.golikov@gmail.com

УКОРЕНЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО В ЗНАНИИ: ПРЕДЕЛЫ ПРОЗРАЧНОСТИ И УГРОЗЫ ОПОСРЕДОВАНИЯ

Статья имеет целью продемонстрировать укорененность социального в знании участников социального о нем. Ключевым свойством социального ввиду невозможности всеобъемлющего знания автор считает (не)прозрачность. Аргументируется, что при переходе предела прозрачности социальное теряет ряд своих характеристик и в целом свою природу, чему способствует ряд современных процессов.

Ключевые слова: социальное, знание, прозрачность, обобщенный второй, значимый третий, опосредованность социального.

Социальное как феномен, абстрагируемый сугубо научными средствами, тем не менее является предметом не только (около)научных и (социально-) философских дискуссий, но и повседневного осмысления — даже в случае, если повседневное мышление не оперирует социологическими или иными научными категориями. Мы можем наблюдать актуализацию в журналистском, политическом, идеологическом (несмотря на провозглашенные «смерть идеологии» и «смерть политики») и других дискурсах проблемы соотношения коммунитаристского и партикулярного, коллективного и индивидуального, всеобщего и частного. Торжество (нео)либеральной идеологии, провозглашенное как в научном (Фрэнсисом Фукуямой), так и в политическом (деятельностью госдепартамента и министерства обороны США), так и в экономическом (рейганомикой, тэтчеризмом, «кредитным капитализмом» 1990-х годов) планах, на какое-то время отодвинуло эти вопросы, поставив безусловные акценты на вторые такты вышеприведенных секвенций. Однако события и процессы последних лет, явная идеологическая и даже политико-экономическая дискредитация (нео)либеральной идеи, «возвращения» самых разнообразных Gesellschaft'ов и Gemeinschaft'ов, а также построение принципиально нового — опосредованного техническими и не только средствами — социального (о чем мы детальнее, хотя еще и не слишком концептуально, пишем в [1]) ставит заново вопрос о собственно объекте социологии. Концептуализации М. Вебера и Э. Дюркгейма, к которым латентно апеллируют большинство известных социологии вариаций дефинирования социального, чаще всего описывают социальное в том виде, в котором оно было известно в современном обществе (детальнее это разбирается нами в [2]), тогда как трудно не согласиться с Ж. Бодрийяром, пусть и в несколько эпатажной форме

констатировавшим «конец социального» [3] — что нужно понимать не как априорную констатацию смерти социального *per se*, но как «исчезновение» социального в том виде, в котором оно было известно современной социологии (а иной социологии как проекта в рамках Большой Науки и не существовало).

Именно поэтому целью нашей статьи будет исследование процессов трансформации знаниевых структур социального, в частности, под воздействием медиатизации (в широком смысле слова) и транспарентизации социального.

Предпосылкой к нашему анализу будет тот вполне очевидный факт, что стартовая дефиниция М. Вебера [4], будучи модернистски рационалистической, основывается на имманентных гипотезах а) тотальной ясности социального для его участников (агентов, акторов, субъектов в дальнейших экспликациях в европейской социологии), б) непрерывности и универсальности социального («поглощающего» в понимании М. Вебера экономическое, политическое, психологическое), в) принципиальной рефлексивности индивидами своего действия и деятельности, а также наличия постоянной рефлексии по этому поводу (что впоследствии трансформировалось в гиденсово понимание рефлексивного мониторинга действия — см. [5]). Эти имманентные гипотезы рационалистического модерна, несмотря на веберовские расхождения с Дюркгеймом в методологии, мировоззренчески смыкаются с позитивистским мировидением. Неудивительно, что такая позиция в традиционно алармистском и «левацком» французском интеллектуальном дискурсе эманировалась в ужасающую систему фукоистского паноптикума [6].

В то же время уже сейчас очевидно, что социальное перестает сводиться к очевидным проявлениям оногo в межличностном (взаимо)действии и индивидуальном проектировании последнего. В современном мире вполне можно выдвинуть гипотезу о том, что *de actu et visu* социальное является сущностно неуниверсальным и дискретным (прерывным). Его универсализация и унификация является вовсе не естественным процессом для самой природы социального и приводит к возникновению феномена рафинированного социального в западной цивилизации, чей унифицирующий и тоталитарно упорядочивающий современный заряд описал З. Бауман [7]. При этом такое рафинированное социальное не является принципиально жизнеспособным *sine extra interventu*, зато обладает повышенным уровнем прозрачности («паноптицированности», отсылаясь к М. Фуко).

Дело, как нам представляется, в том, что социальное как ткань общества принципиально не может совпадать в своем ареале с обществом как социальным пространством — точно так же, как сложные системы (говоря языком системного подхода) *a priori* состоят из дифференцированных «тканей» и тканей. В структуру общественного «вплетены» и социальное, и экономическое, и психологическое, и биологическое, и физическое, и политическое и т. п. Тогда как далеко не любое (взаимо)действие будет (доминативно) социальным — оно может быть принципиально физическим в условиях социальной среды — а поэтому реализовано социальными сред-

ствами¹. Однако использование средств еще не меняет природу (взаимо)действия — точно так же, как использование физических или биологических средств и инструментов в (доминативно) социальном (взаимо)действии не превращает оное в физическое или биологическое.

Мы выдвигаем гипотезу, что (тотально) прозрачным социальное бытие не может. И тут мы опираемся на несколько антропологическую, однако легко социологизируемую идею Хайнриха Попитца, согласно которой тремя фундаментальными предпосылками существования общества являются взаимообмен информацией о поведении между людьми, вскрытие нарушений норм и вступление в действие санкций, однако парадоксом социального бытия является тот факт, что все эти три условия обеспечивают возможность социального бытия только лишь в состоянии своего несовершенства [8, с. 141].

Немецкая нормативность теории не помешала Хайнриху Попитцу выдвинуть и аргументировать мысль, что лишь неполная прозрачность общества является залогом существования именно общества. Таким образом, Х. Попитц неочевидно выводит из-под социологической оптики рассмотрение всех тех структур и взаимодействий, которыми должны заниматься, по идее, теории рационального выбора и обмена, бихевиоризм и эконом-редукционизм и т. п. Обнаруживается, что до возникновения «неформальных» структур обществом не является сумма людей в тюрьме или армии (в силу нефункциональности вышеуказанного парадокса).

Нельзя сказать, что человеческая мысль до и вне Х. Попитца этого не видела. Осмысление этого происходило и происходит в самых разнообразных формах. Так, в блестящей повести Фредрика Брауна «Марсиане, убирайтесь прочь!» лаконично и при этом панорамно продемонстрирован мир тотальной прозрачности, постмодернистской бестактности и либеральной десоциализированности. Оказывается, что при полной паноптицизированной обществу рушатся многие сферы жизни общества, экономики, политики — от демографии до кинематографа. Обнаруживается, что именно на непрозрачности общества как системы² базируется свобода человека как части этого общества³, возможность избегания унифицирующих воздействий со стороны политики и экономики⁴, юриспруденции и техники, не предполагающих отклонений, непредусмотренных дифференциаций, и с большими проблемами различающих разнообразие девиаций (конструктивных и деструктивных, в частности).

Своеобразной иллюстрацией к этой секвенции, с нашей точки зрения, может служить распространение в современном обществе ювенальной юстиции. Эта система, напомним, отрицает презумпцию невиновности родите-

¹ Что и происходит в случае с, например, обходящим стол человеком, не желающим с этим столом столкнуться.

² Которое более операционально представлено у П. Бурдьё как автономия поля, а у Н. Лумана — как существование кодов, отвечающих за дифференциацию систем.

³ Что, конечно же, было развернуто множеством марксистских попыток в этой области, начиная с собственно К. Маркса — см., например, аналитику Юргена Хабермаса.

⁴ Характерно, что тот же Х. Попитц рассматривал власть как «дефицит обобществления других», то есть характеристикой не социальной системы, а проявлением ее недостатков.

лей, и поводом для вторжения в социальное поле семьи может служить любой сигнал со стороны ребенка. Эта конституция социального сильно напоминает конституцию социального в детском саду, где «донос» ребенка на своего товарища по группе рассматривается как a priori истинный до тех пор, пока он не будет опровергнут. Нам же как социологам важно подметить здесь, что в этой социальной системе собственно социальное отодвигается на второй план, уступая место прозрачности правового, тоталитарной зарегулированности каждого (взаимо)действия. Опосредование традиционно непосредственного (взаимо)действия в семейной, приватной, межличностной сфере приводит не только к интервенции системы в жизненный мир (выражаясь словами Ю. Хабермаса), но и к транспарентизации, опрозрачиванию того, что Ю. Хабермас обозначил как жизненный мир, Г. Зиммель — как непосредственную данность жизни, из которой вырастает культура, сумма форм, в которых воплощается и «отчуждается» непосредственная данность жизни.

Принципиальная опасность транспарентизации заключается именно в том процессе, который Ж. Бодрийяр уловил в «становлении молчаливого большинства» — черной дыры социального, социального ни «да», ни «нет». Оказывается, что опосредованное социальное становится актом лишения актора шанса на активность, субъекта — на субъектность. И дело здесь не только в исчезновении права на непосредственные акты решения повседневных акторов — в конце концов, социология по этому поводу давно не питает ни малейших иллюзий, что было продемонстрировано монструозным концептом габитуса у П. Бурдьё — концепта, ужасающего своей универсальностью, непроверяемостью, безысходностью для абсолютности человеческой свободы (но не для свободы *secut ipsa*). Дело в другом: фактически транспарентизация как процесс устранения «парадокса социального бытия» один за другим уничтожает все порождения «двойной контингентности» по Н. Луману (см. третью главу «Социальных систем» [9]) — от «шансов» как социального феномена до «зазора свободы» между габитусом и практиками у П. Бурдьё. Она дефункционализирует многие социальные явления, постмодернистски деконструируя их сущность¹. Она редуцирует многие социальные акты и феномены к «отчужденным» и «уплощенным» их правовым или экономическим, политическим или техническим аспектам². Транспарентизация трансформирует политику и социологию, культуру и повседневность. Так, социолог превращается в «прокладку» между властью и людьми, причем как сами повседневные деятели воспринимают таким образом социолога (и даже поллстера), так и социолог видит свой оптимальный статус в той же конфигурации взаи-

¹ Тут хорошим примером может быть дефункционализация вежливости, во многом переставшей быть фактором конституирования социального пространства и структурирования социальных практик. Вежливость становится либо давно дискредитированной «пластмассовой улыбкой» независимо от национальности этой улыбки, либо традиционалистской моделью поведения, зачастую неверно интерпретируемой.

² И здесь грустная шутка о юристах как совести современного общества обретает совершенно иное звучание.

модействий. Более того, сам социолог становится «службой транспарентизации», пусть и неконкретно, однако на уровне обобщений и тенденций позволяя опрозрачить структуру общества, происходящие в нем процессы, инструментализовать и прагматизировать их.

Собственно, процессы инструментализации (опосредования) и прагматизации (целерационализации, если пользоваться категориями М. Вебера) в этой тенденции играют немаловажную роль. «Вещизация» социального, его опосредование техническими медиумами (от «социальности Интернета» до «социальности посредников во взаимодействии»), как это ни парадоксально, призванные «оградить» непосредственного индивида от социальных структур, на самом деле превращают жизненный мир индивида в тотально прозрачное пространство.

Так, мы обратим внимание на то, что модерн как культурная и социальная эпоха характеризуется резким ростом «индустрии единства» (постройки дорог, общежития, единой культуры хотя бы на определенной территории, выработка универсальных кодов, поиски единого языка, эсперантизация международных стандартов). Целая отрасль деятельности людей может быть охарактеризована в современном обществе как индустриальное производство солидарности, единства и «вероятности коммуникации» (в противовес Н. Луману) — от школы до кинематографа, от технических стандартов и регламентов до постройки многоквартирных домов.

В противоположность этому крушение современного проекта приводит к становлению «индустрии лиминальности». Под таковой мы понимаем индустриальное, массовое (что парадоксально для производства границ) производство границ и разграничений как на вещном уровне (металлические двери, стеклопластиковые окна, еврозаборы, частные дома), так и на знаково-символическом уровне («индивидуализированные» товары, вещи, услуги, статусы, практики, роли и т. п.). Причем лиминальность, системное свойство общества как системы, воспринимается акторами как собственная потребность, и вовсе не осознается — как способ транспарентизации социального системой¹. Но поскольку эта лиминальность продуцируется по правилам и инструментами индустриального производства, то оказывается, что, дифференцируя отдельных индивидов (актеров, субъектов, агентов)², индустриализированная лиминальность при этом остается прозрачной для самой системы — как мы уже указали, системы не столько социальной, как это уточнил бы Н. Луман, сколько гетерогенной по своей сути, а следовательно — «разнотканевой» по своей структуре.

¹ Обратим внимание, что здесь наш исследовательский дизайн заставляет вступить в еще одну дискуссию с Н. Луманом — в том, что социальное и система могут быть противопоставлены друг другу. Здесь, вероятно, дело как в нормативности немецкой теории, так и в том, что мы не рассматриваем — см. начало данной работы — социальное как универсальное и унифицированное, а следовательно, социальное может быть представлено не в образе тотальной системы коммуникаций, а в виде констелляции с дифференцированной плотностью коммуникаций, во многих своих фрагментах не обладающей системными свойствами.

² А следовательно, обеспечивая детранспарентизацию их непосредственного (взаимо)действия, лишая их способности к непосредственному взаимодействию, вторгаясь в него и гарантируя себе тот факт, что без посредника эти акторы не сумеют коммуницировать.

Такая прозрачность вытесняет социальное, превращает его в свои инструменты. Примером может быть распространение так называемых агентств по улаживанию проблем, детранспарентизирующих непосредственное (взаимо)действие индивидов, однако превращающих их в прозрачное для систем права, политики, экономики и т. п.; или же агентств по созданию искусственных алиби. Вторые являются примером не только того, как социальное опосредуется, но и как оно контрактизуется и инструментализуется. «Третья инстанция», о которой говорил Х. Попитц как об обязательном атрибуте процесса социального нормирования, из социального феномена в ткани общества становится симулякром, инструментальным способом, институциональным залогом устойчивости юридических и экономических (взаимо) действий.

Социальное, таким образом, в процессе транспарентизации и медиатизации «вымывается», претерпевает фундаментальные изменения. Сущность этих изменений не является предметом нашей статьи, однако даже нашего краткого анализа достаточно для того, чтобы увидеть, что знание участников социального (взаимо)действия конституирует социальное, и оно же деконституирует его, сводя до юридического / экономического / политического. Системная непрозрачность социального в современном мире в связи с накоплением способов опосредования социального растворяется, «паноптицируется», что приводит к исчезновению ряда свойств современного социального. С нашей точки зрения, исчезновение этих свойств не сводится сугубо к обезличиванию или опосредованию (взаимо)действия, и в рассмотрении этих процессов в дальнейшем совершенно иное, более социологически глубокое, звучание могут обрести такие категории, как «расколдовывание мира», «отчуждение», «обобществление» и ряд других.

Список использованной литературы

1. Голіков О. С. Актуалізація соціального в умовах суспільства, що глобалізується: виклики кризової соціальності й теоретичні виклики соціології / Олександр Голіков // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. — Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. — Випуск 19. — С. 77–83.
2. Голіков О. С. Соціальне як антропологічна константа: проблематика соціального і знанневого у європейських соціально-антропологічних студіях першої половини ХХ століття / Олександр Голіков // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи*. — 2013. — Випуск 31. — № 1053. — С. 22–28; Голіков О. С. Знання в конституюванні соціального: класичне питання, класичні відповіді європейської докризової й кризової соціології / Олександр Голіков // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. — Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. — Випуск 18. — С. 28–34.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Бодрийяр Ж. — Екатеринбург: УРГУ, 2000. — 98 с.
4. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. — М.: Прогресс, 1990.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. — 2-е изд. — М.: Академический проект, 2005. — 528 с.
6. Фуко М. Око власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса; Под общей ред. В. П. Виз-

- гина, Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — С. 220–248. — (Серия «Новая наука политики»).
7. Бауман З. Актуальность Холокоста. — М.: Европа, 2010. — 316 с.
8. Култаева М. Д., Навроцкий О. І., Шеремет І. І. Європейська теоретична соціологія ХХ–ХХІ століття. — Х.: Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. — 328 с.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; Пер. с нем. И. Д. Газиева; Под ред. Н. А. Головина — СПб.: Наука, 2007. — 644 с.

Стаття надійшла до редакції 19.11.2013

О. С. Голіков

кафедра соціології ХНУ імені В. Н. Каразіна
ауд. 350, пл. Свободи, 6, Харків, 64022, Україна
Тел.: +38 (057) 707–54–90, e-mail: a.s.golikov@gmail.com

УКОРІНЕНІСТЬ СОЦІАЛЬНОГО В ЗНАННІ: МЕЖІ ПРОЗОРОСТІ ТА ЗАГРОЗИ ОПОСЕРЕДКУВАННЯ

Резюме

Стаття має на меті продемонструвати укоріненість соціального в знанні учасників соціального про нього. Ключовою властивістю соціального через неможливість всезагального знання автор вважає (не)прозорість. Аргументується, що при переході межі прозорості соціальне втрачає ряд своїх характеристик і в цілому свою природу, чому сприяє ряд сучасних процесів.

Ключові слова: соціальне, знання, прозорість, узагальнений другий, значимий третій, опосередковане соціальне.

A. Golikov

Department of Sociology, V. N. Karazin Kharkiv National University
Room 350, Freedom Square, 6, Kharkiv, 64022
Phone: +38 (057) 707–54–90, e-mail: a.s.golikov@gmail.com

ENROOTMENT OF SOCIAL IN KNOWLEDGE: LIMITS OF TRANSPARENCY AND THREATS OF MEDIATION

Summary

Article is intended to show an enrootment of social in knowledge of participants of social about it. The author considers as key property of social (not)transparency in view of impossibility of comprehensive knowledge. It is reasoned that after transition of a limits of transparency the social loses a number of the characteristics and as a whole its nature that promoted by a number of modern processes.

Key words: social, knowledge, the transparency, generalized second, significant third, mediated social.